

Камила Левитан

ЦЕНТР
ЖЕНСКОГО
ЗДОРОВЬЯ

ДИАГНОСТИКА
ЛЕЧЕНИЕ
ПЛАНИРОВАНИЕ
БЕРЕМЕННОСТИ

ЗАБОТА
СЕГОДНЯ
СЧАСТЬЕ
ЗАВТРА

 МЕДИЦИНСКАЯ СПРАВКА

Ф.И.О. Беременной: _____
Дата рождения: 1-____-____
Заключение: Беременность сроком 12 недель (высшеет срок).

Дата обследования: 12.03.2024

Имя: _____

Врач: _____ (Кузнецова М.А.)

Измена мужа.

Справка, которая разрушила нашу семью!

Камила Левитан

**Измена мужа. Справка, которая
разрушила нашу семью!**

«Автор»

2026

Левитан К.

Измена мужа. Справка, которая разрушила нашу семью! /

К. Левитан — «Автор», 2026

Муж сообщил мне, что я потеряла ребёнка. Врач подтвердил диагноз, а любовница мужа принесла таблетки и справку об «острой реакции горя». Я поверила. Плакала. Винула себя. Пока случайно не услышала запись их разговора! «Напиши ей про выкидыш. Пусть сидит дома и не лезет в документы!» Виктор собирался объявить меня сумасшедшей, забрать строительную компанию, дом и наших детей. А меня отправить в закрытую клинику! Но он кое-что не предусмотрел. Я нашла другого врача. И мой ребёнок оказался жив! Теперь у меня есть доказательства, опасный союзник и одна цель — вернуть свою жизнь. Ты похоронил моего ребёнка на бумаге, дорогой? Теперь я похороню твою ложь!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Камила Левитан

Измена мужа. Справка, которая разрушила нашу семью!

Глава 1

До кабинета я донесла флешку в ладони. Её край натёр кожу у большого пальца, но убрать в карман было страшно: опять засомневаюсь, правильно ли расслышала. Виктор говорил с врачом буднично, а я ждала, что он рассмеётся, объяснит, что это чудовищная шутка. Запись закончилась раньше.

«Напиши ей про внематочную или выкидыш. Нужно, чтобы она сидела дома и не лезла в документы. Справка должна быть идеальной».

Дату я проверила три раза. В тот вечер он задержался у партнёров, а вернулся, пахнущий Кирой. Отмахнулся: сидели рядом за столом переговоров. Я поверила. Теперь её духами тянуло из кабинета; пришлось подождать у двери, пока отпустит тошнота. Я шла сюда говорить, а не просить стакан воды.

Дверь была приоткрыта. Виктор листал бумаги, кофе стоял возле его локтя. Обычно он показывал рукой: садись, сейчас закончу. Сегодня я осталась стоять. Подрядчиков он тоже выдерживал так, прежде чем дать им объясниться. Даже захотелось начать с «я ненадолго».

— Что ты делаешь здесь, Алина? — спросил он, не дочитав страницу. По дороге я придумала целую речь и теперь не помнила ни одного предложения.

— Я знаю, где ты был вчера, — мой голос дрогнул, но я заставила себя произнести слова четко. — И я знаю, что врач подделал справку. У меня есть запись.

Он закрыл папку. Я следила за пальцами, надеясь увидеть дрожь. Стыдно ему? Растерялся? Виктор лишь отодвинул кофе, чтобы я случайно не задела чашку. Похоже, за чашку волновался больше.

— Запись? — переспросил он. На губах мелькнула усмешка. — Ты снова слушала мои телефонные переговоры? Алина, это паранойя. Это болезнь. Та самая, которую я пытался скрыть ради твоего спокойствия.

Виктор обошёл стол и остановился вплотную. Я отступила к стене — зачем, это моя фирма тоже. Но сказать ему «отойди» оказалось труднее, чем по дороге репетировать обвинение.

— О чём ты говоришь? — Я постаралась произнести это громче, но вышел шёпот. — Мы вместе строили эту компанию. Я архитектор! Мои чертежи лежат в твоих сейфах!

— Твои чертежи, — повторил он с отвращением, словно слово было грязным, — могут подождать. А тебе нужно отдыхать. Ты истеричка. Ты не можешь контролировать эмоции. Посмотри на себя: трясешься, бледная, глаза безумные. Как ты собираешься руководить проектом «Сити-Плаза», если не можешь справиться со своей головой?

Он перечислял, что со мной не так, даже «Сити-Плазу» приплёл. Значит, замолчать я должна и на работе. Сунула флешку в карман, прикрыв его ладонью. Ещё у двери хотела бросить её на стол: слушай. Теперь показывать не собиралась.

Дверь открылась без стука. Вошла Кира.

Я заметила своё платье на Кире. Бордовое, шёлковое, купленное два месяца назад для корпоратива. Как она посмела залезть в мой шкаф? Спросить не получилось. Кира несла поднос с водой и таблетками. Я ещё не успела всё высказать, а лечение мне уже подготовили.

— Виктор Сергеевич уже звонил вашему лечащему врачу, — сказала Кира. Она растягивала слова, как будто я перестала понимать обычную речь. — Вам нужно принять успокоительное. И подписать эти документы.

Поднос она поставила на стол, а лист сунула мне в руки. Я прочла заголовок, потом строку под ним: «Заявление о временном уходе в отпуск по состоянию здоровья. Причина: острая реакция горя, потеря плода». «Потеря» уже была напечатана. Мне оставили пустое место для подписи.

Лист складывался у меня в пальцах. На последнем УЗИ я слышала сердце ребёнка. После справки обследование не повторяли, только велели лежать. Я коснулась живота сквозь платье: сегодня выйду отсюда и доберусь к другому врачу.

— Я никуда не уйду, — сказала я тихо. — Я соучредитель. 50% акций. Вы не имеете права...

Кира втиснулась между мной и столом. Я получила локтем в грудь, дёрнулась, а она тут же наклонилась ко мне — со стороны, наверное, заботливо поддержала. Сладкий запах ударил в нос. До Виктора было два шага, но она говорила так тихо, чтобы слышала только я.

— Посмотрите на него, Алина Сергеевна. Он вас защищает. Если вы будете кричать и биться, он будет вынужден вызвать охрану. И тогда ваш диагноз станет... более серьёзным. Психиатрическая клиника вместо отпуска. Хотите, чтобы дети видели маму в белых халатах?

Поверх её плеча я видела Виктора за компьютером. Он слышал про мою долю, видел толчок. Скажи он Кире хотя бы «отойди» — я бы опять поверила, что до него можно достучаться. Он двигал мышкой и смотрел в экран.

— Без моей подписи не примут объекты, — произнесла я, стараясь говорить твердо. — Проект «Гринвуд» завтра сдавать. Без моих виз там ничего не подпишут.

Он оторвался от экрана только на слове «визы». Даже чуть приподнялся в кресле — вот что его всё-таки интересовало.

— Адвокат сейчас будет. Все вопросы по документам — через него. Ты больше не можешь принимать решения. Это приказ.

Мужчина с портфелем вошёл без вопроса, удобно ли разговаривать. Серый костюм, папка под мышкой. Его, конечно, пригласили заранее.

— Алина Сергеевна? — обратился он ко мне, игнорируя присутствие Киры. — Меня зовут Игорь Павлович. Я представляю интересы компании. Согласно медицинскому заключению номер 448/А, которое предоставил ваш супруг, руководство временно отстраняет вас от работы. Пожалуйста, ознакомьтесь с уведомлением об отстранении.

Он протянул второй лист. Пришлось положить Кирина на стол — обе руки уже заняты их документами. Для подписи мне оставили только ручку взять.

— Это незаконно. — Я прокашлялась, иначе он бы просто не услышал. — У меня нет никакого диагноза. Я беременна.

Он подождал, пока я закончу, и опять придвинул ко мне уведомление. В спор вступать не собирался.

— В предоставленном заключении указано эмоциональное расстройство. Компания не намерена рисковать сроками сдачи объекта. Если вы не согласны, можете оспорить отстранение. Подпишите, пожалуйста.

Я смотрела на его руку. Он держал лист за уголок, чтобы мне было удобно расписаться. Подталкивал к подписи почти заботливо — и ни разу не спросил, кто меня обследовал.

Подтвердить потерю ребёнка и невозможность работать. Проверить можно потом, когда подпишу. Я читала заголовки, стараясь не смотреть на таблетки.

Виктор повернулся к окну.

— Дай ему бумагу, Алина. Не усложняй жизнь всем нам. Ради детей.

«Ради детей» мы брали первый кредит и экономили на отпуске. Виктор всегда говорил это, когда хотел, чтобы я ещё немного потерпела. Сегодня предстояло потерпеть собственное исчезновение из фирмы.

Ручка лежала возле папки. Я взяла её и провела черту поперёк места для подписи. Получилось криво, пришлось придержать лист второй рукой. Игорь Павлович следил за пером, пока не стало ясно, что фамилии он не дожждётся.

— Я не буду дальше это читать, — сказала я. — И не буду подписывать. Я иду проверять документы сама.

Он вытащил лист из-под моей ладони. Прочерк рассмотрел, будто я испортила ему чистый бланк. Про беременность больше не спрашивал.

— Как хотите. Но доступ к серверам вам заблокирован. Ключи от офиса тоже изымаются в целях безопасности данных.

Вместо ручки он потребовал ключи и выставил ладонь передо мной. Я не сразу поняла, что он ждёт. Потом увидела, куда смотрит: на карман пиджака.

Виктор молчал. Кира улыбалась.

Я полезла в карман пиджака. Связка звякнула о край стола. Я положила её в руку адвоката, придерживая карман другой ладонью: флешка осталась у меня.

— Спасибо, — сказал он сухо.

До лифта я шла вдоль стены. Один сотрудник посмотрел на меня и уставился в монитор. Я принимала их проекты, смеялась с ними на корпоративах — почему теперь не могу позвать по имени? За закрытой дверью оставались те, кто любое моё объяснение назовёт истерикой.

В холле я развернула забранную копию справки и набрала номер клиники. Палец дважды попадал не на ту цифру. Пока шли гудки, я читала фамилию врача: Аркадий Волков. Хотелось запомнить её так же крепко, как собственную.

— Клиника «Элита-Мед», слушаю, — ответил механический голос секретаря.

— Мне нужен доктор Аркадий Волков, — сказала я, стараясь говорить ровно. — Срочно. По поводу моей медицинской карты.

Секретарь попросила подождать. Я прижала телефон сильнее: только бы не сбросила.

— Доктор Волков в декретном отпуске, — ответили монотонно. — Он не принимает пациентов до сентября. Обратитесь к другому специалисту.

— Но справка...

— До свидания.

В трубке щёлкнуло. Она всё-таки сбросила.

Я набрала снова. И снова. Каждый раз один и тот же голос. Один и тот же ответ. До врача меня не допускали. Я смотрела на его подпись в справке и набирала номер ещё раз: пусть хотя бы скажет мне в лицо, когда он меня осматривал.

После третьего звонка меня знобило. Присесть бы, только тогда набегут с водой, а Виктор объяснит, почему у меня опять приступ. Я осталась возле стеклянной перегородки.

Виктор вышел следом. Он не торопился. Спокойно застегнул пуговицу на манжете.

— Поедем домой, — сказал он. Не вопрос. Утверждение.

Он взял меня за плечо. Я попробовала сдвинуть его ладонь, но Виктор только сильнее сжал пальцы. Больно стало у ключицы. Вокруг ходили люди, и никто не видел в этом ничего, кроме мужа, который помогает жене.

— Ты не можешь водить машину в таком состоянии, Алина. Тебе нужен присмотр.

Его воротник был у меня перед глазами. Недавно я поправляла его перед встречами, теперь хотелось вцепиться и повернуть Виктора к людям: посмотрите, что он делает. Но он, похоже, ждал именно этого.

— Отпусти меня, — прошептала я.

— Не дергайся. Дети ждут.

У лифта я уже не вырывалась. Представила, как они перескажут это сотрудникам: бегала по холлу, нападала на мужа, отказывалась от лечения. Виктор успеет рассказать раньше меня. Значит, сейчас нужно доехать до детей. Они хотя бы смогут меня увидеть.

В пробке он включил музыку. Я попросила выключить — не выключил. Смотрела в окно и ловила своё отражение всякий раз, когда за стеклом темнело. Тридцать два года, а я не решаю даже, в какой машине ехать. По пути домой я успела выучить каждую царапину на стекле.

Глава 2

Няня открыла раньше, чем Виктор достал ключи. Увидела меня и сразу заговорила тише. Значит, её тоже предупредили.

— Виктор Сергеевич говорил, что вам плохо. Суп сварен, постель нагрета.

Виктор снял куртку, бросил её на диван.

— Алина, ложись. Никаких телефонов. Никаких компьютеров. Ты отдыхаешь.

— Я хочу видеть детей, — сказала я.

— Позже. Сейчас им лучше не знать, что ты... нездорова. Они и так тревожны из-за новостей.

Какие новости — про ребёнка, про болезнь? Я пошла в детскую, не дослушав его. Пусть дети сами скажут, что успели от него услышать.

Миша сидел с конструктором, Соня рисовала рядом. Оба повернулись ко мне, когда я остановилась на пороге. Миша держал деталь в поднятой руке, Соня убрала рисунок под ноги. Я обычно ругала её за бумагу на полу — теперь вспомнилось как что-то хорошее, наше.

Они ждали, что я скажу. Пришлось заставить себя улыбнуться.

— Мама? — позвал он тихо.

— Привет, малыш, — я присела рядом, стараясь улыбнуться. — Как день?

Миша посмотрел на сестру, как будто проверял, можно ли отвечать. Я потянулась к нему, но он не придвинулся.

— Папа сказал, что ты больна. Что ты будешь спать долго. И что нельзя шуметь.

— Почему нельзя шуметь? — спросила я. Уже боялась ответа, но всё равно ждала.

— Потому что ты плачешь, — сказал Миша. — Когда ты плачешь, у тебя болит голова.

Папа дал тебе таблетки. Они делают так, что ты не плачешь.

Соня подползла ко мне. Положила свою маленькую ладошку мне на колено.

— Мама, ты не умрешь? Папа сказал, что если ты будешь много спать, ты можешь не проснуться.

Соня всерьёз ждала ответа про смерть. Я прикусила губу: им объяснили, что плакать мне опасно. Миша тоже смотрел. Где его обычное «мам, смотри, что я сделал»? Дети боялись задать мне лишний вопрос.

Соня всё ещё ждала ответа. Мне хотелось бежать обратно к Виктору, трясти его, кричать. Но тогда дети опять услышат только мой крик. Я заставила себя присесть ниже, чтобы Соня могла видеть моё лицо.

Я обняла их. Крепко. Почувствовала запах их волос, тепло под тонкими пижамами. Миша застыл в моих руках. Пришлось ослабить объятие и ждать, пока он сам придвинется. Я не стану заставлять его выбирать сейчас.

— Я не умру, — прошептала я им в макушки. — Я выздоровею. Обещаю.

Соня погладила меня, как я её, когда она температурила. Я поцеловала её пальцы и повторила, что буду рядом. От этой маленькой ладони было больше, чем от всех слов в кабинете.

Няня ушла, детей уложили. Виктор перебрался в отдельную комнату: надо работать, документы «теперь только на нём». Обычно я в ответ спрашивала, не помочь ли. Сегодня даже не открыла рта. Дождалась, когда за его дверью стихнут шаги, и встала.

Виктор оставил телефон на зарядке у нашей кровати. Я посмотрела на аппарат, потом на дверь. Красться к телефону мужа в собственной спальне — разве я могла такое представить? Раньше можно было просто спросить.

К тумбочке пришлось идти, держась за край кровати. Экран загорелся от прикосновения: 23:47. Я прислушалась. Никто не шёл. Развернула телефон так, чтобы свет не падал в щель под дверь.

Подошёл наш юбилейный код. Шесть цифр, даже их он не поменял. Спасибо, что хоть сюда пускаешь, дорогой муж. Я разозлилась на эту ненужную сентиментальность и открыла почту.

В почтовом приложении нашлось письмо с отложенной отправкой. Тема: «Инвесторам: статус проекта и кадровые изменения».

Я прочитала первые строки.

«Уважаемые партнеры. Сообщаем, что вследствие тяжелой психологической травмы и последующего нервного срыва супруга генерального директора выбыла из строя на неопределенный срок. Для обеспечения непрерывности процессов управление компанией переходит к операционному директору Кире Валентиновне Смирновой...»

Под этим абзацем шла обычная таблица: вложения, прибыль, сроки. Проект продолжался без меня. Для моей части хватило слов «выбыла из строя», как будто я была сломавшимся принтером и меня уже заменили.

Дата отправки письма была назначена на завтра. На 10 утра.

Мише завтра восемь. Я заказала торт, спрятала подарок, обещала, что мы с папой никуда не уедем. И вот папа отвёл десять утра на письмо инвесторам: жена больше не работает, вместо неё Кира. Я прокрутила письмо вверх, чтобы проверить время. Нет, ничего не перепутала.

Десять утра. Я сама заказала торт к этому часу. Виктор видел заказ в нашем семейном чате и всё равно выбрал именно это время. Ему даже не пришлось выбирать между нами и сделкой — он вписал и то и другое в календарь.

Сделала скриншот экрана. Потом другой. Третий. Сохранила страницы переписки с юристами, где обсуждалось, как использовать «диагноз» при разводе, и переслала снимки себе. Удалила из его телефона только следы пересылки.

Отложенную отправку я отменила, а само письмо оставила в черновиках. Это задержит его хотя бы на несколько часов. Снимки уже были у меня — стирать единственную улику я не собиралась.

Я положила телефон обратно. Аккуратно. На то же место.

Выйдя в коридор, я остановилась у детской двери. Слушала дыхание спящих детей. Миша сопел носом. Соня вздыхала во сне.

Миша перевернулся и засопел снова. Руки дрожали, но теперь было понятно, что ими делать: открыть архив, найти номер. Разговаривать с Виктором больше не хотелось.

Полгода назад Дмитрия приглашали проверить наши материалы. Бывший сотрудник ФСБ, теперь частный следователь. Мы почти не разговаривали, но я помнила, как он слушал прораба: тот торопился, объяснял, а Дмитрий ждал и потом задавал один короткий вопрос. При нём выкручиваться было неудобно.

Мне нужен был именно такой человек. Который сначала посмотрит запись и справку, а уже потом спросит, почему я плачу.

Контакт оставался в старом архиве подрядчиков. Включать компьютер сейчас я боялась, придётся утром. Другого имени пока не вспомнила.

Раньше я искала слова, после которых Виктор снова увидит во мне жену. Теперь нужен был номер человека, который проверит справку и счета. Я повторила про себя фамилию Дмитрия, чтобы утром первым делом открыть архив подрядчиков.

В кровать я вернулась только затем, чтобы Виктор не застал меня в коридоре. Легла на бок, лицом к двери. Он сам решит, что я сплю. До утра оставалось несколько часов, и мне нужно было сохранить силы на звонок. Завтра сын проснётся именинником. А я должна успеть раньше его отца.

Глава 3

Вечером, накануне похода в офис, я никак не могла уложить Мишу. Села возле кровати прямо на линолеум — на нём было легче удержаться, чем на краешке матраса. Соня стояла в дверях и теребила край пижамы: — Мам, почему ты такая белая? Папа не придет ужинать? — Поздно придёт. Спите, хорошие. Я поправила Мише одеяло, поцеловала его и велела Соне тоже ложиться. У неё получалось волноваться молча, а мне даже хуже было от этого молчания. Закрыла дверь и постояла возле неё. Ни топота, ни «мам, пить». Можно было уйти на несколько минут.

В ванной я умылась и подождала, пока перестанет подступать тошнота. После того, что Виктор называл операцией, мне выдавали таблетки. Саму операцию я не помнила, только разговоры о ней. Открыла рот перед зеркалом, проверила, не осталось ли таблетки за щекой, и вдруг подумала: я ведь даже названия не спросила. Меня лечат, а я благодарю за стакан воды. От этого стало так противно, что захотелось наконец что-нибудь выяснить.

Дверь кабинета не поддавалась. Ключ был у Виктора; возвращаться к детской пришлось бы ни с чем. Тут Кира прислала фотографию бокала: «Виктор просил передать: будет поздно, не жди». Очень любезно — сообщать мне о муже через любовницу. Я выключила экран и вспомнила нишу за шкафом в спальне. На ремонтных чертежах она была, в готовой комнате её закрыли задней стенкой.

Я добралась до ниши. Чеки, коробка от Кирины парфюмерии, годовой отчёт. Уже хотела задвинуть всё обратно, но обложка папки зацепилась за край стенки. Под ней что-то торчало. Разогнула скрепку, поддела бумагу и вытащила накопитель. На наклейке было написано «Архив УЗИ». Я держала его, боясь даже перевернуть: что именно они туда сохранили?

В его ноутбук я не вошла — пароль не знала. Пришлось доставать старый планшет и искать переходник. Я всё прислушивалась к детской: если Соня выйдет за водой, что я ей скажу? На экране появилось «Разрешить доступ?». Сначала отключила семейную синхронизацию, потом разрешила. От лишнего движения планшет скользнул по коленям, и я еле удержала его.

В папке было видео. Я включила его на самой тихой громкости и придвинула планшет к уху. Виктор говорил с врачом: — Аркадий, напишите ей про внематочную или выкидыш. Нужно, чтобы она сидела дома и не лезла в документы. И главное — убедите её, что это её вина, пусть не смеет задавать вопросы. Дата создания файла совпадала с тем вечером, когда он «покупал цветы». Я не закричала. Руки перестали дрожать. Подвинула планшет ближе и включила запись ещё раз. Мне нужны были точные слова, а не память о них. Скопировала файл в личное облако и удалила историю доступа с планшета.

Во входной двери повернулся ключ. Я выключила звук прежде, чем сообразила, что он вернулся. Спрятала планшет под одеяло, вытерла лицо влажной салфеткой и легла, подтянув колени. Волноваться о правдоподобии не пришлось: живот действительно свело. Когда Виктор вошёл, я тихо охнула. Он сел на кровать, провёл ладонью по моим волосам. Кирой пахло опять; до его руки я теперь тоже не хотела дотрагиваться. — Бедная моя. Не мучайся, я обо всем позабочусь. Он погладил меня по щеке, а я отвернулась к подушке. Пусть думает, что больно. Объяснить, отчего я сейчас не могу видеть его лицо, было опаснее.

Я вспоминала, как Виктор обнимал меня после слов врача. Как просил не винить себя — и тут же добавлял, что мне давно следовало меньше работать. Он знал, от каких слов я перестану спрашивать. В темноте я положила ладонь на живот. Завтра нужно было выяснить правду о ребёнке. И забрать своё право её выяснять.

Виктор уснул. Кирины духи остались на его воротнике; я отвернулась, чтобы не чувствовать их. Его профиль едва различался в темноте. Впервые за годы я не хотела придвинуться

к нему. Желудок сводило от голода, но вставать я боялась: разбужу его. Флешка лежала под моей подушкой. Завтра я возьму её в офис. После этой записи он уже не скажет, что я всё придумала. По крайней мере, тогда я ещё верила в это.

К вечеру я наконец нашла номер Дмитрия в архиве. Выписала его на кухне, рядом приписала название объекта — объясню, откуда мы знакомы. Уже потянулась к телефону, когда за дверью заскрежетал ключ. Виктор иногда промахивался мимо замка, сердился и пробовал ещё раз. Я успела подумать, что надо спрятать лист, но осталась сидеть. У меня так и не получилось сделать первый звонок.

Виктор вошёл с двумя мужчинами в белых халатах. Они остановились за ним, даже не поздоровавшись. Один посмотрел на мои руки, второй — на дверь в детскую. Я сразу отодвинула стул так, чтобы суметь встать, если они подойдут ближе. Халаты на этих плечах меня почему-то совсем не успокаивали.

— Алина, надень куртку, — сказал Виктор. — Мы едем в клинику. Тебе нужен отдых. Я посмотрела на мужчин за его спиной. И куртку, значит, надеть должна сама. Будто мы просто собрались прогуляться.

Я не встала. — У тебя нет лицензии на эту «клинику», Витя. И эти люди... — я кивнула на охранников в халатах, — пахнут дезодорантом из спортзала, а не антисептиком. Ты хочешь засунуть меня в дурдом, чтобы завтра подписать контракт с инвестором?

Виктор усмехнулся. Он подошёл к столу, схватил листок с моими записями и порвал его пополам. Потом ещё раз. Клочки упали на линолеум. На одном ещё можно было прочитать последние четыре цифры номера. Я повторяла их про себя, пока он говорил.

— Мать уже подала заявление в опеку, — произнёс он, глядя сверху вниз. — Она права. Ты истеричка. Параноидальная шизофрения после потери ребёнка. Если ты не пойдёшь добровольно, дети останутся со мной прямо сейчас. Навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.